

### «Невидимость» переводчика

Цель настоящей статьи – уточнить один из принципиальных терминов современного переводоведения: «невидимость» переводчика. Данный термин является двусмысленным, поскольку:

1) с одной стороны, ассоциируется с бережным отношением к оригиналу, когда переводческие преобразования диктуются, главным образом, типологическими различиями языков;

2) с другой стороны, «невидимость» считают следствием стратегии «одомашнивания», когда переводчик, не считаясь со стилистическими особенностями оригинала, нивелирует их разговорной идиоматикой родного языка.

Второе толкование принадлежит американскому учёному Л. Вентути, вынесшему «невидимость» в заголовок своего знаменитого труда “The Translator’s Invisibility” [1]. Как в этом, так и в другом, не менее известном труде “The Scandals of Translation” Л. Вентути рассказывает о господствующей практике англоязычного перевода, которая состоит в «одомашнивании» оригинала (приспособлении его к нормам принимающей культуры) [2]. Если стратегия одомашнивания проводится последовательно, текст перевода приобретает такое качество, как беглость восприятия – fluency [3]. В качестве примера Ньюмарк приводит единицы французского оригинала, которые замещаются в переводе «улучшенными» единицами английского перевода:

*il faisait chaud* - ‘it was a **blazing** hot afternoon’;

*le soleil incendie les maisons trop sèches* - ‘the sun bakes the houses **bone-dry**’;

*d’aspect tranquille* - ‘a **smug and placid** air’ [3: 77].

В первом примере *жаркий* становится *невыносимо жарким*, во втором *иссушенные солнцем дома* становятся *абсолютно иссушенными*, в третьем – вместо напрашивающегося однокоренного прилагательного с аналогическим семным составом (*tranquil*) – появляется парный эпитет, вводящий неизвестно откуда взятое качество (*щеголеватый*). Размышляя о причинах переводческой отсебятины, Ньюмарк выражается вполне определённо, считая таковой “their relish for racy, earthy, idiomatic English, which is in flagrant contrast with a neutral original” [3: 77]. Здесь уместно вспомнить Джона Драйдена, который в том виде перевода, который он называл имитацией, видел стремление переводчика “to write, as he supposes that author would have done, had he lived in our age, and in our country” [4: 19].

Приведённые взгляды общепризнанных авторитетов имеют свои отличия. Так, Л. Вентути связывает стремление к идиоматичному переводу с пренебрежением доминирующих дискурсов к специфике оригинала, в результате чего конечный продукт представляет собой такой текст, который соответствует вкусу реципиента, но обезличивает культуру текста-источника до неузнаваемости. По Л. Вентути, это лингвистическое воплощение колониальной политики, т. е. заговор сильных мира сего против закабалённых народов. Нужно сказать, что Л. Вентути отнюдь не одинок в своей концепции вселенского заговора. Так, описывая исторически сложившиеся модели перевода, Сюзен Басснет и Андрэ Лефевр отдают дань имперским корням модели Горация.

“In the Horatian model there is no sacred text, but there definitely is a privileged language, namely Latin. This implies that negotiation is, in the end, always slanted toward the privileged language, and that the negotiation does not take place on absolutely equal terms” [5: 4].

В отличие от апокалипсического сценария Л. Вентути, Драйден рассматривает «одомашнивание» только в контексте реально существующих стратегий перевода. В свою очередь, обозначая данную стратегию господствующей, Ньюмарк больше склонен рассматривать её как часть трёхвекторной парадигмы (не связанную исключительно с традициями англоязычного дискурса): ориентация на оригинал, ориентация на стилистические нормы принимающей культуры, «золотая середина». Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что Ньюмарк иллюстрирует процесс создания идиоматичного перевода примерами преобразования французского ИТ в английский ПТ. Последнее обстоятельство представляется очень важным в свете многочисленных наблюдений о более абстрактной семантике французских языковых единиц по сравнению с английскими [6 : 52].

В примере ниже представлен французский оригинал с переводами на русский и английский. В обоих переводах наблюдается стратегия «одомашнивания» (модель Горация).

*Allons, bon! (1) ça va recommencer! (2) cria Fauchery en jetant les bras en l’air (3). Depuis ce matin, on m’assomme (4) avec Nana. J’ai rencontré (5) plus de vingt personnes, et Nana par-ci, et Nana par-là! (6) Est-ce que je sais, moi! (7) est-ce que je connais (8) toute les filles (9) de Paris!... Nana est une invention de Bordenave. Ça doit être du propre! (10)* [E. Zola. Nana]

– *Господи! (1) И ты туда же! (2) воскликнул Фошри, вздевая к небесам (3) руки. – С самого утра меня допекают (4) этой Нана!... Я нынче встретил (5) человек двадцать, и все как сговорились, Нана да Нана!... (6) А я почём знаю? (7) Неужели я обязан помнить (8) всех парижских девок?... (9) Нана – новое открытие Борденава. Этим всё сказано. (10)*

“*There you are; (1) you’re beginning again!*” (2) cried Fauchery, *casting up (3) his arms*. “*Ever since this morning people have been dreeing (4) me with Nana. I’ve met (5) more than twenty people, and it’s Nana here and*

*Nana there! (6) What do I know? (7) Am I acquainted (8) with all the light ladies (8) in Paris? Nana is an invention of Bordenave's! It must be a fine one! (10)*

Интересующая нас стратегия проявляется в пронумерованных и выделенных жирным шрифтом соответствиях. Рассмотрим их.

1. Французское выражение *Allons, bon!* имеет следующие междометные соответствия в русском языке: ну, вот еще! да ужасно! только этого не хватало! В английском – *oh, dear!* В обоих переводах используется не словарный эквивалент, а междометие из класса функциональных аналогов, которые, по-видимому, более «уместны» и «естественны», с точки зрения переводчиков. Терминами *naturalness* и *appropriateness* описывает важнейшие свойства устной речи Джеффри Лич [7]. Выход переводчика за пределы словарных эквивалентов – признак присутствия стратегии «одомашнивания» – обычное дело. Этим самым переводчик демонстрирует своё право на «область вкуса» (*taste area*), которая в разговорной идиоматике всегда выходит за рамки словарных эквивалентов. В этой области вкуса разговорная идиоматика, как область высшей языковой компетенции, занимает центральное место: «... языки, как и нации, ещё не окончательно подверглись нивелирующему действию космополитизма, и если унификация способа выражения, называемого письменной речью, достигла довольно высокого уровня, то разговорная речь пока ещё не подверглась этой участи» [8: 42].

2. Английский перевод отклоняется от оригинала заменой указательного местоимения *ça* местоимением второго лица *you*. В русском языке стремление к идиоматизации знаменуется целостным переосмыслением, которое за пределами эквиваленции на уровне словосочетаний и предложений является признаком крайней формы вмешательства переводчика в текст: *И ты туда же!*

3. В оригинале говорится о том, что руки подняты в воздух (*l'air*), в английском переводе руки подняты вверх: *up*. Глагол *cast* образует с наречием *up* свободное стилистически немаркированное сочетание, обе части которого актуализируют своё прямое лексическое значение (не путать с фразовым глаголом *cast up*, представляющим собой неразложимую единицу). В русском переводе используется приём эмфатизации: вместо деепричастия нейтрального глагола *jeter* появляется деепричастие книжного архаизма *воздевать*. Использование ситуативно и комбинаторно ограниченного множественного числа (*небеса* вместо *небо*) тоже следует признаком эмфатизации: ср. буквальный перевод *поднимая в воздух* и перевод идиоматический *воздевая к небесам*.

4. Русский перевод сохраняет разговорную окраску оригинала: *assommer* – *досаждать, докучать; наводить смертельную скуку (допекать* – из категории функциональных аналогов). В английском переводе возникает весьма странное соответствие, которое не укладывается в рамки «одомашнивания»: глагол *dree* (страдать, терпеть) характеризуется словарём как устаревший. Такое стилистическое смещение является признаком рискованного обозначения личности переводчика в тексте.

5. Французская глагольная форма *passé composé* находит эквивалент в английской форме *Present Perfect*. В русском переводе прошедшее время передаёт особенности оригинала только с помощью добавления разговорного наречия *нынче*. Характер добавления указывает на стремление к разговорной идиоматике.

6. Эмфатическая конструкция оригинала воспроизводится такой же конструкцией в английском и её функциональным аналогом в русском, получающим стилистическое подкрепление в виде добавления разговорного *сговорились*.

7. Эмфатическая форма вопроса с тавтологическим использованием личного ударного местоимения *moi* в оригинале нейтрализуется стилистически немаркированным вопросом в английском переводе.

8. В переводах появляются функциональные аналоги французского *savoir* (знать): *помнить* и *am acquainted* (знаком). В русском переводе появляется риторический вопрос, разговорную окраску которому придаёт наречие *почём* и глагол долженствования, использующийся в риторических вопросах для усиления идеи удивления и отрицательной оценки. В английском переводе напрашивается эмфатический словарный эквивалент в виде риторического вопроса *why should I know?* Однако используется менее выразительная форма риторического вопроса без модального глагола *should*, имплицитного удивления.

9. Существительное широкой семантики оригинала уточняется прилагательным *light* в английском переводе и суффиксом в русском, образующим существительное-эпитет с отрицательной оценкой *девок*.

10. Положительное качество оригинала *propre* усиливается в английском переводе – *fine*. Модальность предположения, присутствующая в английском и французском высказываниях, в русском исчезает. Оригинал подвергается целостному переосмыслению, и положительное качество имплицитно репликой с абсолютно иным словарным составом.

#### Выводы

1. Следы интерпретационных отступлений от текста оригинала, продиктованных стилистическими представлениями переводчика об разговорной идиоматике родного языка, обнаруживаются в обоих переводах. В русском переводе такое «улучшение» текста оказывается более заметным.

2. «Невидимость» переводчика может иметь значение прямо противоположное тому, которое имеет в виду Л. Венути. Если «невидимость» по Л. Венути (модель Горация) – это приспособление текста к нормам принимающей культуры («одомашнивание»), то «невидимость» в рамках модели Ф. Шлейермахера – это минимальное вмешательство переводчика в текст (вмешательство, продиктованное типологическими различиями языков). Последнее приводит к «остранению» (*estrangement*) или гибридизации (*foreignization*).

3. На занятиях иностранным языком добиваются «невидимости» в понимании Л. Венути (такую «невидимость» именуют высшим пилотажем). Такую «невидимость» сделал предметом особого внимания Ш. Балли, когда критиковал переводческий метод овладения иностранным языком.

4. В профессиональном переводе наблюдаются челночные движения от «одомашнивания» к «остранению» (от коммуникативного к семантическому переводу) и наоборот. Но именно коммуникативный перевод связывают с профессионализмом переводчика, и такое положение вещей целесообразнее связывать с экономическим фактором (идиоматичный перевод – товар, который легче продать), чем с политическим: заговор представляется наименее возможным из тех сценариев, которые обуславливают данную стратегию.

#### **Литература**

1. Venuti, Lawrence. *The Translator's Invisibility*. – London and New York: Routledge, 2003. – 353 p. 2. Venuti, Lawrence. *The Scandals of Translation: Towards an ethics of Difference*. – London and New York: Routledge, 1998. – 210 p. 3. Newmark, Peter. *A Textbook of Translation*. – Longman, 2003. – 292p. 4. Dryden, John. On Translation // *Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida*: Ed. by Rainer Schulte and John Biguenet. – The University of Chicago Press: Chicago and London, 1992. – P. 17-31. 5. Bassnett, Susan and Lefevere, Andre. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. – Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters LTD, 1996. – 143 p. 6. Vinay, Jean-Paul and Darbelnet, Jean. *A Methodology for Translation* // *The Translation Studies* / Ed. by Lawrence Venuti, advisory editor: Mona Baker. – Routledge: London and New York, 2003. – P. 84-93. 7. Leech, Geoffrey N., Short Michael H. *Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose*. – London and New York: Longman, 1981. – 402 p. 8. Балли, Шарль. *Французская стилистика* (перевод с французского К. А. Долинина). – М.: Иностранная литература, 1961. – 395 с.